

RU

Сказки Ф. Б. Миллера в контексте русской фольклорной традиции

Великодная А. В.

Аннотация. Цель исследования – определить своеобразие обращения поэта и переводчика Федора Богдановича Миллера к материалу устного народного творчества при создании им стилизованных и авторских сказок, а также в его переводе сказки «Песня про Илью Волговича» с чешского языка в контексте русской фольклорной традиции. В статье проанализированы произведения Ф. Б. Миллера, где сказочные мотивы и образы играют жанрообразующую роль или являются важным средством раскрытия идеи. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые введены в научный оборот и систематизированы по признакам жанра (эпические, лирические и лиро-эпические) и степени оригинальности текстов (сказки стилизованные, авторские и переводные) произведения Ф. Б. Миллера, где сказочные мотивы и образы играют ключевую роль. Предпринята попытка систематизации художественных средств, позволяющих отнести анализируемые произведения к текстам, реализующим традиции устного народного творчества. В результате исследования выявлено, что обращение автора к фольклорному материалу происходит на разных уровнях художественного текста: тем (бесчестный суд, осуждение социальной несправедливости, взаимоотношения господ и слуг, нравственность, семейная жизнь, быт, подвиг, борьба с монголо-татарским игом, надежда на освобождение) и мотивов (богатырство, битва сильнейших воинов, спасение прекрасной царевны-лебедя, змееборчество, непростой путь к возлюбленной, молитва, божественное спасение, наказание за пороки, волшебство, загадочность), образов (богатыри Поток и Илья Волгович, царевна-лебедь, противник-колдун, русалка, крестьяне Пакхом и Степанида, мужик-удачник, барин, купец и его жена), изобразительно-выразительных средств.

EN

F. B. Miller's fairy tales in the context of the Russian folklore tradition

A. V. Velikodnaya

Abstract. The aim of this research is to determine the distinctive features of the poet and translator Fyodor Bogdanovich Miller's engagement with the material of oral folk art in creating his stylized and original fairy tales, as well as in his translation of the fairy tale "The Song of Ilya Volgovich" from the Czech language, within the context of the Russian folklore tradition. The article analyzes F. B. Miller's works in which fairy-tale motifs and images play a genre-forming role or are an important means of revealing the idea. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first to introduce into scholarly circulation and systematize, according to genre (epic, lyrical, and lyrical-epic) and degree of originality (stylized, original, and translated fairy tales), the works of F. B. Miller in which fairy-tale motifs and images play a key role. An attempt is made to systematize the artistic means that allow the analyzed works to be classified as texts that realize the traditions of oral folk art. The study reveals that the author's appeal to folklore material occurs at different levels of the artistic text: themes (dishonest court, condemnation of social injustice, relationships between masters and servants, morality, family life, everyday life, feat, struggle against the Mongol-Tatar yoke, hope for liberation) and motifs (heroism, battle of the strongest warriors, rescue of a beautiful swan princess, dragon slaying, a difficult path to a loved one, prayer, divine salvation, punishment for vices, magic, mystery), images (heroes Potok and Ilya Volgovich, the swan princess, the adversary-sorcerer, the mermaid, peasants Pakhom and Stepanida, a lucky peasant, a nobleman, a merchant and his wife), and expressive means.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в развитии литературоведения, проявляющимися в особом интересе к творческой деятельности писателей и поэтов XIX века, в частности к своеобразие их обращения к материалам устного народного творчества, являющегося частью национального художественного достояния (Жуковский, 1909; Некрасов, 1971; Толстой, 1966). Исследования такого рода позволяют дополнить литературный контекст относительно использования в произведениях того

времени мотивов, образов, художественных особенностей фольклорных текстов. В настоящее время также назрела острая необходимость обращения особого внимания к культурному коду Древней Руси в целях популяризации нравственных ценностей через духовное богатство русского народа.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- отобрать и систематизировать произведения Ф. Б. Миллера, где сказочные мотивы и образы играют жанрообразующую роль или являются важным средством раскрытия идеи;
- выявить специфику использования Ф. Б. Миллером художественных средств, степень сохранения автором фольклорных мотивов и образов;
- сопоставить его тексты с аналогичными произведениями других авторов.

Материалом для исследования послужили фольклорные тексты Ф. Б. Миллера, опубликованные в следующих источниках:

- Миллер Ф. Б. Стихотворения Ф. Б. Миллера. Изд-е 3-е. 1840-1860. М.: Типография Ф. Б. Миллера, 1873;
- Миллер Ф. Б. Стихотворения 1841-1848. М.: Въ Полицейской Типографии, 1849;
- Шнейдерман Э. М., Бухштаб Б. Я. Поэты 1840-1850-х годов. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-е, 1972.

В целях сопоставительного анализа к исследованию также привлекался напечатанный с лубочного издания текст сказки «Шемякин суд» А. Н. Афанасьева, присутствующий в сборнике:

- Афанасьев А. Н. Народныя русскія легенды. М.: Въ типографіи В. Грачева и Комп., 1859.

Упомянутая в тексте исследования вариация сказки «Шемякин суд» А. Н. Афанасьева приводится в фундаментальном сборнике:

- Баран Л. Г., Новиков Н. В. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 3.

В ходе исследования мы обращались также к справочным изданиям:

- Аникин В. П. Русское устное народное творчество: учеб. для вузов. М.: Высш. шк., 2004;
- Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: учеб. для вузов. М.: Флинта; Наука, 2003;
- Николаев П. А. Русские писатели 1800-1917 гг.: библиографический словарь: в 4 т. М.: Большая российская энциклопедия; Фанит, 1999. Т. 4 (М – П);
- Русский биографический словарь: в 20 т. / сост. П. Ю. Каллиников, И. Корнеева. М.: ТЕРРА, 2001. Т. 17;
- Соколов Ю. М. Русский фольклор (устное народное творчество): учеб. для вузов: в 2 ч. М.: Юрайт, 2017. Ч. 1-2;
- Сурков А. А. Краткая литературная энциклопедия: в 6 т. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6;
- Тимофеев Л. И. Основы теории литературы: учеб. для вузов. М.: Просвещение, 1976;
- Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество: учеб. для вузов. М.: Academia, 2008.

Рассматривая творчество Ф. Б. Миллера в контексте современных тенденций в развитии литературоведения, проявляющихся в особом интересе к обращению писателей и поэтов XIX века к материалам устного народного творчества, мы вспомнили следующие произведения:

- Жуковский В. А. Светлана. Богуслав: А. Лепский, 1909;
- Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М.: Дет. лит., 1971;
- Толстой А. К. Князь Серебряный. М.: Худож. лит., 1966.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы в области устного народного творчества. Так, в частности, В. П. Адрианова-Перетц (1977) рассматривает русскую демократическую сатиру XVII века как явление, выросшее из недр старой литературной традиции: жанров житий и летописных сказаний. А. Н. Веселовский (1940) называет «мотивами» повторяющиеся в сказках простейшие единицы сюжета. Также историк литературы, наряду с Д. К. Зелениным (1995), подробно обращается к мифологическому образу русалки (Веселовский, 1889). Л. Н. Майков (1863), исследуя былины Владимиров цикла, рассматривает образ Ильи Волговича и называет его значимой фигурой эпоса. В. Я. Пропп (1928; 1999) обозначает «функциями» повторяющиеся в сказках действия и отмечает их стремление к парности, а также рассматривает мотивы киевской былины. В нашем исследовании мы обращались и к современным трудам. Так, при рассмотрении фольклора как коллективного творчества П. Г. Богатырев в соавторстве с Р. О. Якобсоном (2024) приводит высказывание А. А. Потехина относительно отсутствия основания у автора смотреть на произведение, в котором были использованы фольклорные мотивы, как на свое. О. А. Колмакова, рассматривая сказовую стилизацию в современной русской прозе, называет повествование «устным монологом», направленным на «реставрацию “русского мифа”» (2019, с. 129). А. П. Скрипник (2020) говорит о «десакрализации мифа», рассматривая рассказывание шаманских мифологических текстов для развлечения. Т. И. Скрипникова пишет о стремлении сказочного жанра к выражению норм бытия, реалистическому изображению народной жизни. Также литературовед отмечает свойственные стилизации импровизационный характер и «авторскую эстетическую рефлексию» (Скрипникова, 2024).

В целях рассмотрения в контексте фольклорной традиции произведений Ф. Б. Миллера, где сказочные мотивы и образы играют жанрообразующую роль или являются важным средством раскрытия идеи, в данной статье применяются следующие методы: формальный и структурный – для отображения художественных особенностей анализируемых произведений, сопоставительный – при выявлении специфики вторичных текстов, культурно-исторический – для определения места сказок Ф. Б. Миллера в русской фольклорной традиции, герменевтический – при выявлении смыслов и особенностей выбранных художественных текстов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных изучению русского литературного наследия первой половины XIX века, в практике преподавания истории русской литературы. Кроме того, данный материал может быть полезен при дальнейшем изучении творчества малоизученного поэта и переводчика Ф. Б. Миллера.

Обсуждение и результаты

Сказки являются неотъемлемой частью народной жизни. Из поколения в поколение люди пересказывали их друг другу, нередко интерпретировали, внося в привычные тексты новые мотивы, детали, образы. Многие исследователи русской культуры занимались коллекционированием редких текстов. Отдельный интерес представляет и иной вариант сохранения народной культуры – создание авторских произведений по мотивам народных сказок или стилизованный, но сюжетно оригинальный текст. К числу ценителей устного народного творчества можно отнести писателя, переводчика, публициста XIX века Федора Богдановича Миллера, явившегося также вдохновителем фольклориста П. В. Шейна – составителя грандиозного сборника обрядовой поэзии «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах...» (Русский биографический словарь, 2001, с. 99).

Среди произведений в жанре сказки, созданных Ф. Б. Миллером, есть как стилизованные, так и авторские, оригинальные тексты. К первым следует отнести «Судью Шемяку» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 462) и былин «Поток-богатырь и девица-лебедь» (Миллер, 1849, с. 161). Здесь Ф. Б. Миллер стремится «выразить непосредственно постигаемые в ходе сюжетного развития нормы бытия» (Скрипникова, 2024, с. 69), соответствующие народным представлениям. Ко вторым – «Пахома и Степаниду» (Миллер, 1873, с. 230), «Помолодевшего старца» (Миллер, 1873, с. 65), быль «Господь хранит малюток» (Миллер, 1873, с. 233), балладу «Русалка» (Миллер, 1849, с. 248), «древнюю повесть» «Волундур» (Миллер, 1873, с. 237), аллегорический рассказ «Дикий остров» (Миллер, 1849, с. 189), «Сказку о купце, о его жене и о трех пожеланьях» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 458). Следует отдельно отметить вольный перевод Ф. Б. Миллера с чешского языка сказки «Песня про Илью Волговича» (Миллер, 1849, с. 203). Придерживаясь традиционной классификации, отметим, что автор писал волшебные и социально-бытовые сказки, не обращаясь к сказкам о животных (Шафранская, 2008, с. 38).

Комическим произведением, относящимся к «русской демократической сатире XVII века» (Адрианова-Перетц, 1977, с. 107) и основанным на противоречивости явления, на скрытой, но улавливаемой читателем «его внутренней неполноценности» (Тимофеев, 1976, с. 386), является «Повесть о Шемякином суде». Начиная с конца XVIII века повесть неоднократно стилизовалась и в стихотворном, и в прозаическом ключе. Как поэт и переводчик, увлекавшийся устным народным творчеством, Ф. Б. Миллер также обратился к этому известному сюжету. В 1873 году выходит в свет его «Судья Шемяка» – стилизованная сказка, написанная в стихотворной форме. Данный сюжет, встречающийся в фольклоре разных народов, сохранен Ф. Б. Миллером. Сохранена и идея первичного текста (высмеивание корыстолюбия и взяточничества – свойственный стилизации «реалистический показ народной жизни, его социально-классовых, мировоззренческих проблем» (Скрипникова, 2024, с. 69)), быстрота действия, комическая манера повествования, что также доказывает следование традициям устного народного творчества.

Жанру сказки свойственно обращение внимания на повторяющиеся в различных сюжетах действия, которые В. Я. Пропп (1928, с. 35) обозначил «функциями». Так, мы можем увидеть сходство функций в произведении Ф. Б. Миллера и в наиболее известных двух вариантах (напечатанный с лубочного издания и вариация) текста собирателя фольклорного материала А. Н. Афанасьева (Бараг, Новиков, 1985, с. 5): просьба бедного брата одолжить лошадь – оторванный хвост – «сельское кружало» (ночлег) – падение с печи – падение с моста – суд и угрозы бедняка – бедняк-победитель – облегчение Шемяки, радующегося, что остался в живых. Кроме того, в сказке Ф. Б. Миллер сохраняет свойство, названное В. Я. Проппом стремлением сказочных функций к парности (например, «запрет» – «нарушение» (Зуева, Кирдан, 2003, с. 137)). В тексте Ф. Б. Миллера нищете главного героя в начале сказки противопоставлено его богатство в финале.

Отметим некоторые расхождения между текстом Ф. Б. Миллера и напечатанной с лубочного издания сказки А. Н. Афанасьева. Например, более комическим предстает «Судья Шемяка» Ф. Б. Миллера, так как автор сначала повествует о послесудебном диалоге с потерпевшими, и лишь затем Шемяка присылает к бедному брату слугу за вознаграждением. Различна и причина оторванного хвоста: у Ф. Б. Миллера – зацепившиеся за что-то сани, в лубочном варианте А. Н. Афанасьева – забывчивость бедного брата, в вариации – неудачная попытка бедняка помочь извозчику. Интересно обратиться и к причине падения с печи, которая также представлена в рассматриваемых текстах различно. В сказке Ф. Б. Миллера – дремотное состояние, в лубочном варианте текста А. Н. Афанасьева о причине падения не говорится, в вариации бедняк, оказавшись на постоялом дворе, падает не с полатей, а в колодец. Тем не менее эти содержательные особенности не влияют на вывод о следовании Ф. Б. Миллером фольклорной традиции.

Стилизация позволяет Ф. Б. Миллеру «свободно располагать инвентарем» (Скрипникова, 2024, с. 70) народного речевого материала. В произведении автор использует свойственные жанру бытовой сказки художественные приемы, например, классическим является рефрен, усиливающий сатирический тон произведения и позволяющий создать «размеренный эпический ритм» (Зуева, Кирдан, 2003, с. 137): трижды повторяется «*Это он сотнягу / Мне за суд сулит. Выручу беднягу!*» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 464–465). К бытовой реальности читателя приближают и разговорно-сниженные лексические единицы («*свалился*» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 463), «*здоровенный*» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 463)), усиливающие сатирическую составляющую и «простонародный лад» (Скрипникова, 2024, с. 71) произведения. В тексте также встречаются народно-поэтические выражения («*справил*», «*кланяется в пояс*», «*закручинясь*», «*думу думает*» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 463)), передающие фольклорную эстетику.

При создании образа главного героя Ф. Б. Миллер тоже остается в рамках традиций устного народного творчества. Сказки о «дурале-удачнике» «близко стоят к традиции волшебных сказок» (Аникин, 2004, с. 475). Следуя ей, Ф. Б. Миллер сохраняет образ мужика статичным: «По причине художественной условности волшебные

сказки не знают развивающихся характеров... Все внимание уделено смене, порядку, развитию самого действия, а не развитию характеров» (Аникин, 2004, с. 471).

В «былине изъ времен красного солнышка Великого Князя Владимира Святославича» (Миллер, 1849, с. 161) «Поток-богатырь и девица-лебедь», являющейся авторской вариацией мотива богатырства, ключевым является образ богатыря. Известна также фольклорная баллада А. К. Толстого «Поток-богатырь» 1871 года, сюжет которой значительно отличается от былины Ф. Б. Миллера. Так, в балладе А. К. Толстого отсутствует образ змееборца или спасителя прекрасной девушки-лебедя. В данном сатирическом тексте главный герой, засыпая, оказывается в разных эпохах и видит страшные перемены в идеалах и общественных нормах. Если Ф. Б. Миллер стремится сохранить мотивы киевской былины (Пропп, 1999, с. 111), воспеть мужество богатыря, его любовь к супруге, проявить свойственную стилизации «авторскую эстетическую рефлексия» (Скрипникова, 2024, с. 70), то А. К. Толстой наделяет текст сатирическими чертами, тем самым приближая свое произведение к социально-бытовым сказкам. Как мы видим, стилизованная форма художественного произведения носит импровизационный характер, «строится в субъективном расчете на апперцепцию людей своего круга... но с объективной целью – подвергнуться восприятию постороннего читателя» (Скрипникова, 2024, с. 71).

В стилизованной вариации Ф. Б. Миллера рассказчик передает историю – «реликт доклассовых, родовых явлений и представлений о жизни» (Шафранская, 2008, с. 39), рассказанный когда-то его другом – «старым вороном» (Миллер, 1849, с. 161), много испытавшим и видевшим на своем веку. Повествование, таким образом, становится «стилизованным под устный монолог представителя демократической среды» (Колмакова, 2019, с. 129). Данный «сказовый монолог» (Колмакова, 2019, с. 129) направлен на «реставрацию “русского мифа”, реализованного в коллизии “интеллигенция – народ”» (Колмакова, 2019, с. 129). В рассматриваемом тексте Ф. Б. Миллер актуализирует такие свойственные стилизации черты, как «неподготовленность, спонтанность... иллюзию естественности речи и аутентичности народного мировоззрения» (Колмакова, 2019, с. 132). Автор сохраняет свойственный жанру былины объединение «реальной жизненной основы с фантастическим вымыслом» (Зуева, Кирдан, 2003, с. 187). В данном тексте, как и в других волшебных сказках и былинах, фигурируют мифологические образы противников (колдун Злояд), наблюдается перевоплощение персонажей (царевна-лебедь), помощь животных (Михаилу Потоку помогает Лиховид в обличье зеленого ужа: «Я Лиховид, отец твоей жены, / Иль в жизни так когда-то назывался, / Пришел тебя спасти, мой милый зять» (Миллер, 1849, с. 185)), свойственная волшебным сказкам «связь сказочного вымысла с магическим действием» (Аникин, 2004, с. 458) – оживлением жены при помощи крови колдуна. Интересно заметить, что Дж. Вейнер разделял мифологические тексты по степени их связи с магией: фундаментальной важности (шаманские, сакральные) и рассказываемые для развлечения. Рассматриваемая стилизованная вариация является образцом «десакрализации мифа, превращения его в профанный, развлекательный нарратив» (Скрипник, 2020, с. 403).

Ф. Б. Миллер реализует «простейшие повествовательные единицы сюжета» (Зуева, Кирдан, 2003, с. 136), традиционно присутствующие в любом сказочном тексте и названные «мотивами» филологом и историком А. Н. Веселовским (1940, с. 493). Так, мотив спасения прекрасной царевны-лебедя от орла встречаем и в известной «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина, написанной в 1831 году: «Ты не лебедь ведь избавил, / Девицу в живых оставил; / Ты не коршуна убил, / Чародея подстрелил».

Автор использует в балладе и относящийся к славянской мифологии мотив змееборчества. Некоторые его черты присутствуют в «основном мифе» (Зуева, Кирдан, 2003, с. 386) – мифе о сражении бога грозы (у восточных славян – Перун) с противником-змеем (Велес).

Также Ф. Б. Миллер обращается к распространенному в древнерусском фольклоре мотиву молитвы как фактору социальной когезии (Скрипник, 2020, с. 405). Как подчеркивал А. Н. Афанасьев, в текстах древнерусского фольклора важную роль играет «правда гуманного христианского одушевления, проникающая собой все поэтическое создание» (1859, с. XIV). В стилизованной вариации «Поток-богатырь и девица-лебедь» главный герой молится святым иконам перед прошением к князю о женитьбе и перед дальней дорогой («Войдя туда, сперва онъ помолился / Святым иконам, поклонился Князю...» (Миллер, 1849, с. 181-182)), что способствует отражению в рассматриваемом тексте традиционных христианских ценностей. Кроме того, композиционная структура данного текста является классической для устного народного творчества: зачин (запев) – рассказ о товарищевороне, поведавшем эту историю, – изложение содержания былины – заключение (исход).

Былина «Поток-богатырь и девица-лебедь» Ф. Б. Миллера сохраняет свойственный жанру «торжественно-патетический тон» (Аникин, 2004, с. 303) благодаря использованию классических эпитетов («ясный месяц», «булатный меч» (Миллер, 1849, с. 164), «добраго коня» (Миллер, 1849, с. 165), «красная девица» (Миллер, 1849, с. 167), «могучаго коня» (Миллер, 1849, с. 168)).

Это произведение следует отнести к новеллистическим былинам, в которых по традиции прославлялись верность супругов, истинная дружба и осуждались человеческие пороки. Обращение к жанру былины (древней песни) позволило переводчику и поэту достаточно полно и ярко отразить «разнообразнейшие стороны исторической и бытовой жизни русского народа» (Соколов, 2017, ч. 2, с. 3), возвеличить его нравственно-этические, национальные, социальные идеалы (Зуева, Кирдан, 2003, с. 187), отразить самобытность. Интересен тот факт, что сын Ф. Б. Миллера, Всеволод Федорович Миллер (1848-1913), археолог, антрополог и лингвист, также указывал на сказочный характер былин о богатыре Потоке (Николаев, 1999, с. 55).

В авторских произведениях Ф. Б. Миллера также наблюдается следование традициям фольклора. Обращаясь к данному объекту нашей классификации, вспомним высказывание А. А. Потебни относительно сферы устного народного творчества, цитируемое и в современной фольклористике: здесь «сам поэт не находит основания смотреть на свое произведение как на свое, на произведения других того же круга как на чужие» (Богатырев,

Яacobсон, 2024, с. 114). Типичным для новеллистических сказок Ф. Б. Миллера является обращение к историям о господах и слугах, о людях, находящихся в низком социальном положении (Аникин, 2004, с. 480). К одной из таких историй Ф. Б. Миллер обращается при написании сказки «Пахом и Степанида» 1872 года. В ней обличается людское осуждение и зависть. Главные герои, муж и жена, винят в своих тяготах Адама и Еву, однако, по воле Судьбы оказавшись в похожих райских условиях, тоже поддаются искушению и возвращены к прежней трудовой и бедной жизни: *«Если б Ева не вкусила / Запрещенного плода. / Разве это не обида / Нам терпеть за грех чужой?»* (Миллер, 1873, с. 230); *«Полно плакать, – не поможет, / Наконец сказал он ей: / Осудать-то всякий может, / А не сделает умней»* (Миллер, 1873, с. 233).

Рассматриваемая сказка написана в стихотворной форме. Если в «Судье Шемяке» мы наблюдали смежную (парную) рифмовку, придающую динамичность, экспрессию, то в «Пахоме и Степаниде» – перекрестную: *«Правда, много испытали / Вы и горя, и трудов, / И утешить вас в печали / Я с охотою готов»* (Миллер, 1873, с. 231), часто чередующуюся с парной. Ф. Б. Миллер использует смежную рифмовку в тех случаях, когда необходимо привлечь внимание читателя на наиболее динамичные, сюжетообразующие композиционные элементы текста.

Совмещая в данном тексте устаревшие и разговорно-бытовые лексические единицы, Ф. Б. Миллер также следует фольклорной традиции, передавая атмосферу крестьянского быта, крестьянского духа, не поэтизируя последние, следуя тем самым жанру сатирической народной сказки. Автор придерживается народной традиции, передавая жизнь простых крестьян, барства, изображая их в образах Пахома, Степаниды и доброго барина. Раскрываются герои посредством речи. Например, если Пахом и Степанида часто в речи используют частицы, восклицают и вопрошают, то добрый барин ограничивается сдержанной речью, что говорит о его мудрости и благородстве.

Авторская позиция в сказке, в основном построенной в форме диалога, выражается посредством сатирического тона произведения, кратких иронических высказываний и сравнений. Ф. Б. Миллер, избирая имена главных героев, также сохраняет народную эстетику и одновременно передает их характеры. Имя «Степанида» имеет значение «венценосная», следовательно, его носительница должна обладать сильным, решительным, непокорным характером, и действительно, именно она начинает роптать на свою судьбу. Имя «Пахом» имеет значение «крепкий, широкоплечий», оно не подразумевает гордыни, властности или бунтарства. В тексте этот образ обладает более миролюбивым нравом, лишь в финале он порицает жену (заметим, не бранит). Таким образом, Ф. Б. Миллер остается в рамках классических способов выражения авторской позиции, сохраняя свойственную «сказкам о господах» (Аникин, 2004, с. 480) критику «ненормальностей и несообразностей в обществе и людском поведении» (Аникин, 2004, с. 481).

Близкой к предыдущей в тематическом отношении является и авторская «Сказка о купце, о его жене и о трех пожеланьях» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 458). Данный текст мы можем также отнести, по классификации фольклориста В. П. Аникина, к «сказкам о господах и слугах» (2004, с. 480). Главные герои, муж и жена Парамон Алексеевич и Марфа Петровна, не ценили своей мирной жизни в достатке, они желали большего. Как в «Пахоме и Степаниде», горюющим людям является благодетель («седовласый странник» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 460)), дарующий им счастливый час, за который можно обдумать и загадать три желания. Однако жена, *«которая чуть не рехнулась / От такого неожиданного счастья»* (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 460), забыв о важности последующих слов и не думая, что они уже считаются желаниями, загадывает за чаем лимон. Разгневанный купец восклицает в досаде: *«Ах, раздуй те горой!»* (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 461). Когда же и это «желание» начало исполняться и Марфа Петровна действительно стала раздуваться, Парамону Алексеевичу ничего не осталось, как загадать последнее и спасти супругу. В этой авторской сатирической сказке Ф. Б. Миллера обличаются зависть и глупость, созданы колоритные образы господ, доступные восприятию любой читательской публики. Примечательно, что написанное произведение популярным в конце XVIII – начале XIX в. белым стихом, придающим повествованию житейский характер, непосредственность и естественность, что также способствует возможности его распространения среди широкого круга читателей.

В рассматриваемой сказке преобладают разговорные и просторечные лексические единицы, присутствуют фразы-клише, свойственные древнерусским текстам: «сказал с глубоким поклоном», «просим милости» (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 460), яркие эпитеты, часто встречающиеся не только в сатирических сказках: *«Так беседовал добрый купчина / Со своей благоверной супругой»* (Шнейдерман, Бухштаб, 1972, с. 460). Отличительной чертой данной сказки являются подробное обращение к бытовым деталям и точное описание внешнего облика героя, чего Ф. Б. Миллер не делает в других своих произведениях.

Таким образом, «Сказка о купце, о его жене и о трех пожеланьях» Ф. Б. Миллера – произведение, которое также следует рассматривать в контексте всего устного народного творчества: автор сохраняет характерное для сказок о господах и слугах отсутствие жалости к барину, его высмеивание, обличение, мотив наказания за «спесь, жадность, безделье и глупость» (Аникин, 2004, с. 481) как барина, так и барыни.

Ф. Б. Миллер обращался не только к волшебным мотивам. Так, в ярком реалистическом стихотворении 1852 года «Помолодевший старец» (Миллер, 1873, с. 65) их нет. В названном тексте автор описывает скачущего на коне юношу, у которого *«поседали от мороза / Кудри, брови и усы»* (Миллер, 1873, с. 65). Ф. Б. Миллер использует традиционный для русского фольклора мотив непростого пути «русских юношей красы» к возлюбленной «девице-красе», образ могучего «борзого коня».

Будучи любителем и продолжателем традиций русского фольклора, Миллер стремился не только к поддержанию национальной идентичности русского народа, но и к раскрытию традиций мирового фольклора. Аллегорический рассказ «Дикий остров» (Миллер, 1849, с. 189) является ярким тому примером. В данном произведении видим традиционное для сказочного жанра наличие морали (*«Не предаваясь праздности беспечной, /*

И на земле трудись для жизни вечной» (Миллер, 1849, с. 202)), мотив волшебства, символическое значение цифры «3», характерное не только для русского фольклора, но и для зарубежного.

Ф. Б. Миллер, следуя традиции жанра аллегорического рассказа, не обращается к невероятным, волшебным событиям, ведет повествование естественно и непринужденно, что доказывает также использование белого стиха. Автор поставил перед собой задачу аллегорически передать ключевую мысль – не предаваться праздности, а трудиться, думая о будущем и, что еще шире, о вечной жизни.

Как русскому, так и шотландскому, английскому фольклору свойственен образ русалки, увлекающей моряков, привлекающий внимание многих фольклористов. Так, А. Н. Веселовский усматривает «слияние образа русалки с представлением об умерших вообще» (1889, с. 269), Д. К. Зеленин отмечает, что русалки являются душами людей, «погибших неестественной смертью» (1995, с. 141). Однако литературоведы считают более верным мнение А. Н. Веселовского (Соколов, 2017, ч. 1, с. 141). По-своему осмыслить фольклорный образ русалки стремится и Ф. Б. Миллер (1849, с. 248), написав балладу «Русалка» 1848 года. Также ее можно встретить, например, в одноименном стихотворении А. С. Пушкина 1819 года, в сказке «Русалка» А. Н. Толстого 1912 года. В первом произведении русалка губит монаха, во втором – старика. Сюжет баллады Ф. Б. Миллера значительно отличается от названных произведений. Во-первых, в рассматриваемом тексте героем, попавшим в беду, является не старик, а удалой юноша, во-вторых, он не искушается песней русалки, а попадает в ее губительные объятия вследствие крушения челнока. Однако можно усмотреть и некоторое сходство текста Ф. Б. Миллера 1848 года с другими фольклорными произведениями. Например, обращает на себя внимание наличие общей с рассмотренной выше «Песней про Илью Волговича» традиционной фольклорной детали – прекрасного подводного дворца.

Придать фольклорный колорит Ф. Б. Миллеру позволяет также использование характерных эпитетов («с младаго чела» (1849, с. 248), «друзей удалых» (1849, с. 249)) и сравнений («как звуки цевницы» (1849, с. 248) и др.). Автор сохраняет характерный для жанра баллады мотив загадочности, тайны, значительную роль пейзажа («А месяц серебряный в воды глядится» (Миллер, 1849, с. 248)).

Мотив загадочности присутствует и в повести «Волундур», написанной Ф. Б. Миллером (1873, с. 237) в 1872 году под влиянием скандинавской саги. Поэт с особенным интересом погружается в мифологию Норвегии и Швеции, приводит многочисленные примечания, в которых рассказывается о Норнах – богинях судеб, Валгалле (или Валгале) – зале погибших на поле брани воинов, Асгарде – жилище богов, Валькириях – прекрасных девах, Одене – отце богов, гномах.

Повествование ведется белым стихом, сопровождаясь песнями богинь и Валькирий, призывами и угрозами гномов, монологами братьев. Голоса героев и автора сочетаются и развиваются, являются равноправными, что придает повести полифонический характер и создает эстетику стихийности.

Среди основанных на фольклорном материале текстов Ф. Б. Миллера можно выделить не только стилизованные и оригинальные. Отличным от рассмотренных ранее текстов является вольный перевод с чешского языка сказки «Песня про Илью Волговича» (Миллер, 1849, с. 203). Ф. Б. Миллер выступает здесь как продолжатель «больших общенародных тем» (Зуева, Кирдан, 2003, с. 251): борьба с монголо-татарским игом, надежда на освобождение. Текст сочетает в себе жанровые признаки воинской исторической повести, ораторского произведения и героической песни, призванной произвести глубокое впечатление читателя и выразить «национальные интересы и идеалы народа» (Зуева, Кирдан, 2003, с. 249). В данном тексте мы обнаружили свойственные древнерусским текстам мотивы. Так, мотив битвы сильнейших прослеживается в кульминационном сражении Ильи Волговича с равным противником Багадуром, зятем Угада, и напоминает легендарный бой Пересвета и Челубея перед Куликовской битвой, впервые описанный в древнем литературном памятнике XV века «Сказании о Мамаевом побоище» (Сурков, 1971, с. 878). Автор обращается и к мотиву молитвы, несущему в себе назидательное значение: «Ты Создатель мой! Ты заступник мой! / Ниспошли Ты мне избавление...» (Миллер, 1849, с. 219). Отметим, что названный мотив является ключевым и в были Ф. Б. Миллера «Господь хранит малюток» 1857 года (1873, с. 233), в которой повествуется о чудесном спасении от наводнения детей, оставшихся на ночь без матери. Рассматриваемому жанру несвойственно содержание сказочных мотивов, однако и здесь присутствует священный мотив божественного спасения, присущий текстам о волшебстве.

В «Песне про Илью Волговича» Ф. Б. Миллер сохраняет также классические для устного народного творчества художественные особенности: инверсию, усиливающую эмфатическое ударение; анафору, создающую образность; эпитеты и сравнения, придающие тексту выразительность. Автор также сохраняет одно из композиционных свойств текстов устного народного творчества: «верность сказочного повествования числу “три”», в данном тексте служащему цели «наращивания эффекта» (Аникин, 2004, с. 472). Итак, рассмотренное произведение Ф. Б. Миллера является ярким примером продолжения отображения «народного сознания» (Зуева, Кирдан, 2003, с. 250): в лице Ильи Волговича позволяет передать силу русского духа, его нестигаемость и веру в добро. Как писал литературовед Л. Н. Майков, «Илья существует не в истории, а в одном эпосе» (1863, с. 31).

Ф. Б. Миллер как при написании стилизаций и оригинальных текстов, так и при обращении к произведению на чешском языке является продолжателем традиций устного народного творчества: сохраняет древнерусские мотивы, образы, использует свойственные сказочному жанру художественные приемы и сюжетостроение.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. В результате исследования впервые введены в научный оборот и систематизированы произведения Ф. Б. Миллера, в которых сказочные мотивы и образы играют ключевую роль. К стилизованным текстам были

отнесены «Судья Шемяка» и «Поток-богатырь и девица-лебедь», к оригинальным – «Пахом и Степанида», «Помолодевший старец», «Господь хранит малютку», «Русалка», «Волундур», «Дикий остров», «Сказка о купце, о его жене и о трех пожеланьях». Отдельно выделен вольный перевод с чешского языка сказки «Песня про Илью Волговича».

2. Выявлена специфика использования Ф. Б. Миллером художественных средств: свободное включение речевого материала, классических эпитетов, создание эпического ритма за счет рефренов, использование белого стиха, придающего повествованию свойственные произведениям устного народного творчества естественность и непринужденность. Также отмечена высокая степень сохранения автором фольклорных мотивов и образов с целью выражения соответствующих народным представлениям норм бытия.

3. При сопоставлении текстов Ф. Б. Миллера с аналогичными произведениями других авторов были выявлены особенности следования им фольклорной традиции:

1) обращаясь к стилизованной сказке «Судья Шемяка», мы выяснили, что в тексте Ф. Б. Миллера, в отличие от напечатанной с лубочного издания сказки А. Н. Афанасьева, наблюдаются некоторые расхождения в образах и отдельных фрагментах текста. Однако мы отметили и общие черты: использование сходных сюжетных функций и сохранение их стремления к парности;

2) в произведении «Поток-богатырь и девица-лебедь» Ф. Б. Миллера, в отличие от баллады «Поток-богатырь» А. К. Толстого, отсутствует сатирический тон: автор сохраняет традиционные мотивы киевской былины, что придает творчеству рассматриваемого поэта и переводчика консервативный характер.

Несомненно, малоизученное творчество Ф. Б. Миллера, в частности его обращение к устному народному творчеству, явилось вкладом в национальное художественное достояние первой половины XIX века.

Перспективой дальнейшего исследования заявленной проблематики может стать введение в область научных исследований более широкого круга лирических и лиро-эпических произведений Ф. Б. Миллера, в которых реализация традиций устного народного творчества играет важную идейно-смысловую роль.

Источники | References

1. Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. М.: Наука, 1977.
2. Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как проявление коллективного творчества / публ. М. Л. Лурье // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. № 1. Т. 7.
3. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов (1897-1906) / отв. ред. В. М. Жирмунский. Л.: Гослитиздат, 1940.
4. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Генварские русалии и готские игры в Византии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1889.
5. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.
6. Колмакова О. А. Сказовая стилизация в современной русской прозе // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 3.
7. Майков Л. Н. О былинах Владимиров цикла: исслед. Л. Майкова на степ. магистра рус. словесности. СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1863.
8. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.
9. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999.
10. Скрипник А. П. Повесть мудрых. Язык. Диалог. Мораль. М.: Прогресс-Традиция, 2020.
11. Скрипникова Т. И. Стилизация как модернистский способ художественного сознания в сказке И. А. Бунина «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2024. № 2.

Информация об авторах | Author information

Великодная Анжелика Владиславовна¹

¹ Пензенский государственный университет

Anzhelika Vladislavovna Velikodnaya¹

¹ Penza State University

¹ angelikavelikodnaya555@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.05.2025; опубликовано online (published online): 22.06.2025.

Ключевые слова (keywords): Ф. Б. Миллер; устное народное творчество; русская фольклорная традиция; стилизованные и авторские сказки; сказочные мотивы и образы; F. B. Miller; oral folk art; Russian folklore tradition; stylized and original fairy tales; fairy-tale motifs and images.